

© 2022

Юрий Павленко

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: yurpavl83@mail.ru)

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы развития российской и мировой экономики в рамках комплексного подхода, охватывающего политико-экономические, социально-экономические и политико-идеологические аспекты. В теоретическом плане анализируются проблемы преодоления механизмов торможения и формирования нового режима роста, а также взаимозависимости в развитии экономики и социального государства. Затрагиваются проблемы стратегического планирования. В контексте глобальной экономики, акцентируется внимание на положительном опыте избирательного заимствования эффективных институтов и механизмов развития.

Ключевые слова: экономическое развитие, стратегическое планирование, социальное государство, глобализация, режим роста, финансиализация, импортозамещение, институциональное заимствование.

DOI: 10.31857/S020736760023103-2

Актуальность и методология исследования. Актуальность проблемы экономического развития связана прежде всего со снижением темпов экономического роста в мировой экономике. Положение дел с темпами роста экономики в России на общемировом фоне также не вызывает оптимизма. Как нам представляется, отсюда вытекает необходимость всестороннего теоретического осмысления и выявления факторов экономического развития с проекцией на место и роль в нем государства, учитывая его все возрастающую роль в современной экономике.

Неудовлетворительное состояние экономики России, ее развития находит отражение, в частности, в критике практики стратегического планирования. На примере Стратегии социально-экономического развития до 2030 года (Стратегии-2030) многие эксперты обращают внимание на то, что новая стратегия мало чем отличается от уже существующих и потому имеет небольшие шансы быть реализованной, в первую очередь, из-за нарушения принципа системности, отсутствия взаимоувязанных целевых индикаторов. В частности, свои претензии к новой стратегии высказали ученые на научно-практической конференции «Абалкинские чтения», прошедшей на базе РЭУ им. Плеханова. С одной стороны, экономисты согласились, что стратегия достижения назначенных президентом целей национального развития жизненно необходима.

С другой – напомнили, что в России уже имеется множество разных стратегий, принятых в том числе и на более долгие сроки. По словам президента Вольного экономического общества России С. Бодрунова, у них и сроки разные, и цели, по большому счету, не увязаны друг с другом; при этом они порой дублируют отдельные элементы друг друга. «Но главное, – отмечает С. Бодрунов, – все они приняты, как это ни покажется странным, и без базовой теоретически проработанной концепции нашего развития, и без основополагающей и целеопределяющей стратегии развития страны в целом.» По мнению же бывшего директора Института экономики РАН Е. Ленчук, выступившей на конференции, у нас сейчас, в принципе, отсутствует методология последовательной разработки цепочки документов стратегического планирования [10].

Специалисты по стратегическому планированию отмечают, что, несмотря на интенсивный поток инноваций и экспериментов, наблюдающийся в сфере стратегического планирования в течение последних лет, система стратегического планирования в России по-прежнему характеризуется рядом негативных черт, в частности:

- институциональной слабостью долгосрочного целеполагания в сфере развития, на что в ходе экспертных интервью указывали практически все респонденты, отмечая, что большая часть стратегических документов не оказывает серьезного влияния на социально-экономическую политику России, хотя отдельные положения этих документов и находят отражение в реально осуществляемых проектах;

- меньшим влиянием институтов стратегического планирования по сравнению с институтами бюджетной и кредитно-денежной политики и в связи с этим преобладанием краткосрочных приоритетов бюджетной сбалансированности над долгосрочными целями развития;

- низкой степенью реализации стратегий, преобладанием мероприятий имитационного характера и концентрации на второстепенных целях и мерах [3. С. 56].

По-видимому, следует согласиться с тем, что масштабные структурные задачи, возникающие в принципиально новых геополитических и экономических реалиях, сложившихся в результате обострения конфликта на Украине в 2022 г., требуют дополнительной перенастройки стратегического планирования [3. С. 57]. Впрочем, как нам представляется, отмеченные «новые реалии» при надлежащем стратегическом видении не должны были бы стать неожиданностью.

В решении проблемы ускоренного экономического развития, с нашей точки зрения, необходим комплексный подход, охватывающий политико-экономические, социально-экономические и политико-идеологические аспекты. В этой связи следует согласиться с академиком В.М. Полтеровичем в том, что неудачи в разработке и реализации стратегий вызваны не только несовершенством экономической науки, но и сложной системой их отбора этих стратегий,

где сталкиваются интересы общества, политиков и самих экспертов. Решающим элементом этой системы, по мнению В.М. Полтеровича, является отношение господствующей идеологии к социально-экономическим преобразованиям [6. С. 52].

Экономика в контексте кризиса. При рассмотрении факторов, способных оказать влияние на ускорение экономического развития в их политико-экономическом и теоретическом аспектах, обращает на себя внимание исследование немецкого экономиста и социолога В. Штрика, который указывает на необходимость нового режима роста, призванного остановить «раздувание денег и долгов» [8. С. 237]. Кроме того, с образованием так называемого «государства долгов» В. Штрик связывает наличие кризиса легитимности современного капитализма [8. С. 234].

Рассматривая механизм торможения, препятствующий ускоренному экономическому развитию современной экономики в контексте критики финансовализации, французский экономист Мишель Аглиетта (Michel Aglietta) по существу дополняет анализ В. Штрика. Он определяет данный механизм торможения как имущественный способ накопления. То есть вместо максимизации прибыли происходит максимизация стоимости имущества. Согласно М. Аглиетта, способ накопления современного капитализма является новым в том смысле, что опирается на механизмы управления, направленные на непосредственную максимизацию роста стоимости имущества. Конечно, существует связь между данными двумя способами управления, так как оценка собственности зависит от прибыли. Однако, поскольку эта связь является опосредованной, это не снимает специфики особого способа накопления. Имущественный способ накопления, по мнению М. Аглиетта, не является объективной необходимостью, но выступает в качестве субъективной стратегии капитала [11].

Анализируя кризисные явления в современном экономическом развитии, М. Аглиетта в своей книге «Деньги: между насилием и доверием», написанной в соавторстве с Андре Орлеаном, обращается к анализу категории денег. Отправной точкой рассуждений авторов стало придание понятию денег социального смысла и значения. Французские ученые обратили внимание на то, что в рамках «экономикс», или “мейнстрима” современной экономической теории, деньги рассматриваются так, как будто бы они существовали вечно. Такое допущение имеет право на жизнь, когда изучаются развитые товарные отношения, осуществляемые в «штатном» режиме. Что касается объяснения кризисных явлений, то здесь, по их мнению, необходимо понять, когда и как появляются деньги. Согласно концепции, которую развивают М. Аглиетта и А. Орлеан, деньги появились в свое время как результат сложного общественного процесса [4].

Экономист и социолог Самир Амин (Samir Amin) в рамках своего политико-экономического анализа современной экономики, по существу, солидаризируется с подходом М. Аглиетта в методологическом плане, рассматривая механизм экономического развития в контексте определенного социального проекта. Само понятие «развитие» по своему содержанию и природе, по мнению С. Амина, критично по отношению к существующему социально-экономическому порядку. Оно в первую очередь зависит от социальных сил, которым служит, и связано с социальным проектом, лежащим в его основе. По словам С. Амина, выход из существующего кризиса требует изменения социальных правил, определяющих распределение дохода, потребление, инвестиционные решения [12. S. 29–31]. При этом, по словам С. Амина, утверждение о существовании некоей чисто экономической логики, которая заведует развитием капитализма, следует рассматривать как ошибочное и ложное, поскольку не может быть теории капитализма, отличной от его истории. Иными словами, теория и история неразлучны, неразделимы, подобно тому, как неразделимы хозяйство (экономика) и политика. И как следствие, для выявления закономерностей развития необходима интеграция экономической теории и истории [12. S. 38].

В рамках политико-экономического анализа возможностей реализации нового режима роста, заявленного В. Штриком, приходится считаться с наличием элементов дряхления, увядания существующей социально-экономической модели. Речь идет о переходе от некогда «расширяющегося» капитализма (*expanding capitalism*) к «сжимающемуся» капитализму (*shrinking capitalism*) [15. P. 120]. В рамках данных негативных процессов происходит замещение механизма созидательного, творческого разрушения, о котором писал Й. Шумпетер [9], современными механизмами «нетворческого разрушения». По словам аргентинского экономиста Х. Бейнштейна (Jorge Beinstein), созидательное, творческое разрушение имеет место тогда, когда начальной точкой является ускоренный рост спроса. В противном случае, что наблюдается в современной экономике, когда в начале мы имеем дело с замедленным ростом спроса, вызванное крупной технической инновацией разрушение уже не является «созидательным» [13].

Социальное государство и экономическое развитие. Переходя от политико-экономического к социально-экономическому анализу экономического развития, осознавая при этом некоторую условность подобного разделения, укажем на взаимосвязь решения проблемы экономического развития с практической работой по восстановлению государства всеобщего благосостояния. В рамках данного подхода предполагается, и с этим следует согласиться, что работа по восстановлению государства всеобщего благосостояния будет успешной только в том случае, если она создаст новые формы и новые возможности для его развития, опирающиеся на рост экономики [16]. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, говоря о взаимосвязи государства всеобщего благосостояния и экономического развития, отмечает, что многие критики государства всеобщего

благополучия считали, что оно приведет к падению экономики, поскольку тяжесть социальных обязательств и безопасность, обеспечиваемая социальным страхованием, подрывают стимулы развития. На практике оказалось, что ни один из крупных кризисов не был связан с государством всеобщего благополучия, но скорее был вызван эксцессами финансового сектора. Более того, среди стран с самыми быстрыми темпами восстановления оказались государства с наиболее развитыми системами всеобщего благополучия. Говоря о жизнеспособности в дальнейшем государства всеобщего благополучия, Дж. Стиглиц подчеркивает два обстоятельства. Во-первых, он указывает на необходимость реформирования глобализации, ограничив ее возможности путем разработки эффективной системы налогообложения транснациональных корпораций. Во-вторых, исходит из положения, что разумно организованное государство всеобщего благополучия способно повысить общие экономические показатели. По словам Дж. Стиглица, существуют доказательства того, что более равные общества работают лучше как с точки зрения экономического роста, так и с точки зрения их большей стабильности. Более того, речь может идти о создании более инновационных обществ, поскольку в описываемых обществах граждане более охотно идут на риск [21]. Сходную с Дж. Стиглицем позицию занимает и норвежский экономист К. Моэн (К. Моене), который также отмечает, что в условиях социальной защиты граждане с большей готовностью принимают перемены и проявляют открытость [19].

В своей аргументации в пользу государства всеобщего благополучия Дж. Стиглиц позволяет себе выйти за рамки узко экономических отношений и зависимостей и даже за рамки стандартных аргументов в пользу социальной справедливости. По его словам, для тех, кто поддерживает государство всеобщего благополучия, его центральная роль, говоря политэкономическим языком, заключается в воспроизводстве человека, граждан с социально ориентированным общественным сознанием и чувством солидарности с остальными согражданами [21].

Центральной и по-прежнему актуальной социальной проблемой в рамках экономического развития выступает проблема неравенства. Анализируя данную проблему в контексте государства всеобщего благополучия, английский экономист Энтони Аткинсон (Anthony Atkinson) указывает на суждение (как на весьма порочное), будто мы ничего не можем изменить и нынешнему высокому уровню неравенства нет альтернативы. По его мнению, необходим «национальный диалог» о распределении доходов. Государственная политика в сфере оплаты труда должна состоять из двух элементов: во-первых, из минимального размера оплаты труда, законодательно установленного на уровне прожиточного минимума; во-вторых, включать этический кодекс оплаты труда, сформулированный в процессе «общенациональной дискуссии» [1. С. 260].

Нынешний интерес к этическому кодексу оплаты труда в значительной мере объясняется наблюдавшимся в последние десятилетия во многих странах экспоненциальным ростом заработков на верхних этажах пирамиды распределения доходов. Введение лимитов на оплату труда может наглядно отражать этические принципы организации. Так, в Испании Mondragon ограничивает оклады руководителям, не допуская превышения зарплаты самого низкооплачиваемого работника более чем в 6,5 раза. Этика справедливой оплаты труда (с присущими ей лимитами) должна распространяться на компании как государственного, так и частного секторов. Предлагается внедрение трех способов регулирования. Во-первых, использовать рыночный потенциал государства как покупателя товаров и услуг. Согласие с кодексом оплаты труда могло бы стать предварительным условием для получения частным бизнесом прав на поставку товаров и услуг правительственным организациям. Во-вторых, требование регулярной отчетности, чтобы соответствующие коэффициенты были известны широкой публике. Третий способ регулирования относится к практике корпоративного управления через механизмы совершенствования корпоративного законодательства [1. С. 266–269].

Проблема экономического развития, как отмечалось выше, носит комплексный, междисциплинарный характер. Наряду с политико-экономическим и социально-экономическим измерениями, она затрагивает также и политико-идеологические аспекты. В этой связи обращает на себя внимание утверждение В.М. Полтеровича о соотношении позиций экономистов как ученых и как идеологов, которые (позиции) на практике не всегда соответствуют друг другу [7]. Подтверждением данного высказывания, на наш взгляд, могут служить рассуждения турецкого экономиста Д. Родрика (D. Rodrik). Так, согласно Д. Родрику, восхваление рынков в публичных дебатах сегодня стало почти профессиональным долгом, поэтому мнения экономистов, выражаемые на публике, могут радикально отличаться от мнений, выражаемых на семинарах. При этом академическая репутация нередко строится на демонстрации новых... провалов рынка. Но на публике тенденция состоит в том, чтобы сомкнуть ряды и поддерживать свободные рынки и свободную торговлю [20. Р. 94].

Развитие в условиях глобализации. Экономическое развитие каждой страны имеет и глобальное измерение, так как во многом оно определяется местом страны в глобальной экономике, уровнем конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. При этом, основываясь на методологии мир-системного анализа Э. Валлерстайна, отметим, что данный уровень определяется не только объективными законами рынка. Конкурентоспособность выступает как итог действия совокупности факторов, которые формируются в рамках определенных экономических, политических и социальных отношений.

Конкретизируя данные факторы и условия, С. Амин отмечает, что в неравной конкурентной борьбе центры мировой, глобальной системы используют

то, что называется «пять монополий» которые обеспечивают эффективность, действенность этих центров. Это, во-первых, монополии в сфере технологий, принадлежащие центрам мировой системы. Они требуют гигантских вложений, которые по силам только государству, и притом большому и богатому. Без данных вложений, включая поддержку в виде военных расходов, большинство таких монополий не смогли бы состояться. Во-вторых, монополии в области контроля финансовых потоков в глобальном масштабе. Либерализация положения крупных финансовых институтов, действующих на мировом финансовом рынке, обеспечила этим монополиям беспрецедентную эффективность. В-третьих, монополии, связанные с добычей природных ресурсов. В-четвертых, телекоммуникационные и медиа-монополии, распространяющие стандартизированные культурные продукты и продукты политической манипуляции. Экспансия рынков современных медиа – один из главных факторов эрозии самого понятия, содержания и практики демократии. Наконец, в-пятых, это монополии в сфере вооружений, действующие при отсутствии системы контроля за вооружениями. Отмеченные монополии определяют рамки, в которых проявляет себя «локализованный» закон стоимости [12. S. 85]. Отметим, что данные монополии в значительной степени обесценивают промышленный потенциал стран периферии. При этом, по мнению С. Амина, налицо дихотомия экономического и политического измерений в глобальной системе, создающая определенное противоречие между глобальным характером экономики и наличием государственных границ в политической сфере [12. С. 94].

В глобальной экономике С. Амин выделяет также два типа развития, соответственно двум типам государств. Во-первых, это самоцентричный тип государства, развитие которого определяется динамикой внутренних социально-экономических отношений. Второй тип государства относится к так называемым «периферийным» экономикам, где процесс накопления капитала происходит главным образом под воздействием эволюции экономик «центра». Данный тип выступает как бы объектом «трансплантации» и зависимости от «центральных» экономик [12. С. 185].

Самоцентричный тип развития предполагает соблюдение следующих главных условий.

1. Экономические условия, включая производство потребительских благ, благоприятствуют воспроизводству рабочей силы.

2. Автономия внутренних финансовых институтов по отношению к международным рынкам капитала, создающая благоприятные условия инвестирования для местного капитала.

3. Контроль за внутренним рынком, а также хотя бы селективная поддержка конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке.

4. Контроль над природными ресурсами.

5. Контроль над технологиями в рамках государства, возможность их быстрого воспроизводства независимо от их происхождения – внутреннего или внешнего, и тем самым – избавление от необходимости импорта жизненно важных технологических элементов [12. С. 186].

Легко догадаться, какой тип развития желателен для России, обладающей всеми условиями и потенциалом для реализации самоцентричной модели. Реализация данного типа модели развития предполагает комплекс мер по реформированию экономики России, в том числе проведение реиндустриализации и импортозамещения на основе новых высоких технологий, развитие социальной сферы, повышение культурного уровня и учета менталитета российского населения, которые в совокупности позволят поднять на более высокий технологический уровень российскую экономику и обеспечить социально-экономическое развитие страны и ее регионов [2].

Как известно, одним из ключевых направлений, призванных внести существенный вклад в экономическое развитие России, является импортозамещение. Примечательно, что свое, хотя и специфическое, импортозамещение, связанное с реиндустриализацией, получило развитие и в странах с экономикой самоцентричного типа, включая США. Речь идет, прежде всего, о начавшемся процессе возвращения промышленного производства в США, получившем название «решоринг» (*reshoring*). Так, по данным *Boston Consulting Group* (BCG), еще в 2013 г. более половины руководителей компаний с оборотом более миллиарда долларов планировали вернуть производство обратно из Китая в США. Среди главных причин такого возвращения отмечаются такие факторы, как расходы на оплату труда, близость к потребителям, качество продукции. Сюда же относятся и наличие квалифицированной рабочей силы, транспортные расходы, затраты времени, связанные с логистикой, легкость ведения бизнеса [17].

Предусматривается также функционирование соответствующих институциональных структур. Так, специалистами Массачусетского технологического института (MIT) отмечается необходимость формирования промышленно-предпринимательской среды с опорой на самую широкую кооперацию, главной задачей которой становится функция «собирателя» (*convenor*), в качестве которого может выступать и производственная корпорация, и орган власти, и частная посредническая компания [18].

Приведенные данные и оценки показывают, что успешная реиндустриализация, рассматриваемая в качестве проблемы, стоящей и перед российской экономикой, не может носить очаговый характер, ориентируясь лишь на некоторые «точки роста» в виде узкого кластера наукоемких отраслей и высокотехнологичных производств. Она должна носить фронтальный характер, захватывая весь индустриальный базис, состоящий из опорных машиностроительных и инфраструктурных отраслей [5. С. 31]. При этом, по мнению некоторых экспертов, у нашей страны имеются реальные возможности продвинуться вверх

по цепочке добавленной стоимости в новой глобальной системе международного разделения труда. Возможности такого продвижения связываются с пока еще не преодоленной незрелостью новейших звеньев шестого технологического уклада, а также с возникающими шансами встроиться в высвобождающиеся элементы перестраиваемых технологических цепочек [5. С. 35].

Отметим, что в мире уже существует успешный опыт такого встраивания на основе практики «институционального заимствования». Как справедливо отмечает Е. Гельнер (E. Gellner), «... те культуры, которые усвоили экономическую, когнитивную и техническую рациональность «рационально», то есть инструментально, сделали это из-за того, что общества-первопроходцы уже продемонстрировали их эффективность. Но по той же самой причине им не требовалось проникаться духом рационализма в других аспектах их жизни. Они избрали экономическую и техническую рациональность в качестве средства. В их случае она не возникла как побочный продукт общего склада ума. ... Те, кто усваивает новые методы в оппортунистическом подражательном духе, могут сохранять и развивать свои культуры, совершенно не разочаровываясь в них. Компьютер и алтарь могут уживаться» [14. Р. 222]. Есть основания полагать, что и в России с ее евразийской культурно-исторической доминантой следует воспользоваться успешным опытом избирательного заимствования, обеспечившим ускоренное развитие восточноазиатских стран, включая Китай.

В заключение еще раз подчеркнем, что в современных условиях системного кризиса мировой экономики решение проблемы ускоренного ее развития представляет собой комплексную научную проблему, охватывающую политико-экономические, социально-экономические и политико-идеологические аспекты. Особую роль в выявлении закономерностей экономического развития играет экономическая теория и история.

Речь также идет о взаимосвязи государства всеобщего благосостояния и экономического развития, между которыми объективно должны выстраиваться отношения взаимозависимости и взаимного дополнения.

Экономическое развитие каждой страны не только вписано в глобальный контекст, но и зависит от места, которое та или иная страна занимает в глобальной системе в соответствии с ее структурой, представленной в мир-системной теории Э. Валлерстайна.

Для занятия достойного места в глобальной экономике России потребуется задействовать эффективные механизмы целевого планирования и реализовать его главный принцип – системность. Необходимо также творчески использовать опыт избирательного заимствования эффективных институтов и механизмов, направленных на повышение инновационного потенциала развития.

Литература

1. *Аткинсон Э.Б.* Неравенство: как с ним быть? // М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС., 2018. 536 с.
2. *Батов Г.Х.* Основные факторы поступательного опережающего развития // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 2. С. 39–52.
3. *Дмитриев М.Э., Крапиль В.Б.* Стратегическое планирование на распутье: старые вызовы и новые возможности // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2. С. 39–59.
4. *Матвеева А.* Французы против economics // Эксперт № 4(545) 29 января 2007 – 5 февраля 2007. URL: https://expert.ru/expert/2007/04/francuzu_protiv_economics/
5. *Побываев С.А., Толкачев С.А.* Реиндустриализация в США и ЕС // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 29–36.
6. *Полтерович В.М.* На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вестник экономической теории. 2022. № 1. С. 48–57.
7. *Полтерович В.М.* Экономическая теория и формирование человеческих качеств. URL: <https://mpga.ub.uni-muenchen.de/111540/>
8. *Штрик В.* Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно // М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. 280 с.
9. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // М.: Экономика, 1995. 660 с.
10. Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/05/13/869660-ekonomisti-raskritikovali>
11. *Aglietta M.* Le capitalisme de demain // Fondation Saint-Simon. Paris. 1998.
12. *Amin S.* Zmurszały kapitalizm // W-wa. 2004. 212 s.
13. *Beinstein J.* La larga crisis de la economia global // Buenos Aires: Corregidor, 1999.
14. *Gellner E.* Plough, Book and Sword: The structure of Human History // London: Collins Harvill, 1988.
15. *Hoogvelt A.* Globalization and Post-colonial World // Palgrave: Houndmills, 1997.
16. *Kagarlitsky B.* The Spontaneous Politics of the Masses: Slavoj Žižek and the Yellow Vests. URL: <https://www.counterpunch.org/2019/01/07/the-spontaneous-politics-of-the-masses-slavoj-zizek-and-the-yellow-vests/>
17. Majority of Large Manufacturers Are Now Planning or Considering “Reshoring” from China to the U.S. URL: <http://www.bcg.com/media/PressReleaseDetails.aspx?id=tcm:12-144944>
18. MIT Taskforce on Innovation and Production Reports. URL: http://web.mit.edu/pie/news/PIE_Preview.pdf
19. *Moene K.O.* Scandinavian Equality: A Prime Example of Protection Without Protectionism. In M. Kaldor and J. E. Stiglitz (Eds.). The Quest for Security: Protection without Protectionism and the Challenge of Global Governance // New York: Columbia University Press, 2013. P. 48–74.
20. *Rodrik D.* Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science // New York, London: W. W. Norton, 2015.
21. The welfare state in the twenty first century. Joseph E. Stiglitz paper presented at a conference on November 8 and 9, 2015 at Columbia University on «The Welfare State and the Fight against Inequality». URL: https://policydialogue.org/files/publications/The_Welfare_State_in_the_Twenty-First_Century.pdf

Yuri Pavlenko (e-mail: yupavl83@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

THE FACTORS OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MODERN STATE: AN ESSAY

Within the framework of an integrated approach covering political, socio-economic and ideological aspects, the article examines development problems in Russian and world economy.

In theoretical terms, the author analyzes the problems of overcoming the slowdown mechanisms and stimulating growth. He also scrutinizes the interdependence in the development of the economy and the welfare state. The problems of strategic planning are touched upon; in the context of the global economy, attention is focused on the positive experience of selective borrowing of effective institutions and development mechanisms.

Keywords: economic development, strategic planning, welfare state, globalization, growth regime, financialization, import substitution, institutional borrowing.

DOI: 10.31857/S020736760023103-2